

УДК 821.133.1-053.6
ББК 84(4Фра)-44
К63

Автор обложки Екатерина Тихова

Комбрексель, Антони Ино.

К63 Почти полночь : [для сред. и ст. шк. возраста : 12+] / Антони Ино Комбрексель ; пер. с фр. Натальи Ключарёвой ; [авт. обл. Екатерина Тихова]. — М. : КомпасГид, 2019. — 288 с. — Доп. тит. л. фр.
ISBN 978-5-907178-08-3

Париж, 1889 год, незабываемый май. Город полон туристов, сами парижане тоже высыпали на улицы — Всемирная выставка оживила столицу! К радости Обрубка и его команды: шестеро сирот, беглецов из приюта, промышляют мелкими кражами. Однажды Хромой ворует часы. Они оказываются необычными: стоит подвинуть стрелку немного назад — и ты возвращаешься в прошлое! Но очень скоро эти часы понадобятся ему отнюдь не для забавы и розыгрышей.

Удивительная находка запускает страшный механизм: исчезают люди, гремят взрывы, гибнут невинные — сколько ни поворачивай время вспять, трагедий не избежать! Обрубку, Хромому, Спичке, Заике, Сопле и Плаксе предстоит раскрыть тайну, грозящую тысячам гостей Всемирной выставки... нет, даже не смертью, а намного хуже!

Роман французского писателя Антони Ино Комбрекселя (родился в 1980 году) — это гремящая (о, как неслучайно это слово!) смесь классических приключений, эстетики стимпанка и динамики ролевых игр. Всё-таки автор придумал сценарии ко многим популярным во Франции «настолкам». «Почти полночь», его дебютная книга, выиграла премию Grand Prix 404 Factory — главного гиковского портала страны.

УДК 821.133.1-053.6
ББК 84(4Фра)-44

Все права защищены. Никакая часть данной книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме без письменного разрешения издательства «Тинбук».

ISBN 978-5-907178-08-3

Published in the French language originally under the title:
Presque minuit
© 2018, 404 éditions, an imprint of Èdi8, Paris, France
© Издание на русском языке, перевод на русский язык,
оформление. ООО «Издательский дом «Тинбук», 2019

ПРОЛОГ. РОВНО ПОЛНОЧЬ

Из окна Сивилла видела луну. Они были чем-то похожи — обе одинокие, затерянные в бесконечной ночи, скрытые ото всех. Башня уходила на добрую сотню этажей вниз, ее подножие терялось из виду в плотном одеяле облаков. Старая колдунья грустила, предаваясь воспоминаниям о далеком прошлом. Она столько видела, столько слышала... Сивилла смотрела на свое отражение в оконном стекле, терявшееся в пляшущих отблесках свечей. Старуха была бледной и тощей. Некогда черные волосы превратились в жидкие седые космы. Вокруг усталых глаз темнели круги. Кожа на лице сморщилась и обвисла. Руки покрылись пигментными пятнами. Груз прожитых лет и полученных знаний с каждым днем становилось всё тяжелей нести.

Башня, где она давным-давно поселилась, была такой высокой, что колдунья оказалась практически отрезана от мира. Чтобы обеспечить себе хоть какое-то спокойствие и избежать преследований и охот, жертвами которых стали ее сестры, колдунья добровольно изолировала себя от *угрюмых* — людей, не знавших магии.

Они не могли ее видеть. И она, в свою очередь, решила, что не желает видеть их. Единственной компанией старой Сивиллы были стражи, готовые на всё, чтобы защитить свою госпожу и сохранить ее знания. Башня ведьм Гекаты¹ — слишком высокая, чересчур холодная и крайне ветхая — опасно кренилась, подобно сгорбленной Сивилле. Казалось, прислушавшись, можно

¹ В древнегреческой мифологии богиня луны и магии, покровительница ведьм и колдунов. (Здесь и далее – примеч. пер.)

различить скрип ее деревянных балок, тяжелые вздохи разошедшихся окон, хрипы истершихся камней. Было ясно, что ни башня, ни ее дряхлая обитательница долго не протянут.

— КРЭК. КРЭК. КРЭК.

Старуха подскочила от неожиданности. Она обернулась, пытаясь понять, откуда исходит этот отрывистый звук. Прислушалась, внимательно оглядела комнату — не шевельнется ли что-нибудь. Логово колдуньи было набито бесчисленными безделушками и талисманами, имевшими магическую ценность или просто напоминавшими об ушедших временах. На полках пылились священные черепа горгулий, серебряные пальцы вампиров, золотые языки фениксов и причудливые скелеты каких-то волшебных тварей, давно исчезнувших и неведомых людям. Колдовские принадлежности — магические драгоценности, черные свечи, обманные зеркала, благовония Эрзули¹ — наполняли комнату зыбким мерцанием. Сивилла медленно обходила свое укрытие, пристально вглядываясь в каждую вещь. Рунические надписи покрывали полог ее большой кровати и толстый ковер, лежавший на ледяном каменном полу. Сестра Жесперия, лучше всех владевшая искусством резьбы по дереву, украсила все шкафы и комоды Сивиллы разнообразными ритуальными знаками. На стенах висели эзотерические побрякушки, призванные обеспечить магическую защиту жилища.

— КРЭК. КРЭК. КРЭК.

Звук шел откуда-то слева. Теперь она отчетливо слышала его и была уверена, что ей не померещилось. Колдунья медленно двинулась в ту сторону, внимательная, готовая в любую секунду...

— КРЭК. КРЭК. КРЭК.

Ага! Звук доносился, видимо, из нижнего ящика комода. Она немного помедлила. Как же глупо это, должно быть, выглядит! Старая ведьма крадется на цыпочках, охотясь за нелепым шорохом. Но кто там скребется? Мышь? В башне? На такой высоте? Вряд

¹ В культе вуду богиня любви и красоты.

ли. Сивилла не боялась грызунов. Она всю жизнь использовала их в качестве ингредиентов для зелий. Почему же ее так перепугал этот дурацкий звук? Собравшись с духом, колдунья взялась за ручки, затаила дыхание и резко выдвинула ящик.

— КРЭК. КРЭК. КРЭК.

Прямо перед ней жестикулировал, хватая воздух, странный предмет — часть, оторванная от целого. Ожившая железная перчатка, точнее обрубок металлической руки, бегала по дну ящика, вслепую нашаривая, за что ухватиться.

Колдунья слишком хорошо понимала смысл этого странного спектакля. У нее закружилась голова.

Сивилла очнулась в своей кровати. Вокруг горело множество свечей, массивный подсвечник стоял на ночном столике. Рядом сидел Гектор — командир стражей: его лицо, изборожденное глубокими морщинами, было напряжено. За пятьдесят лет службы он никогда не видел госпожу такой бледной и взбудораженной. Что-то стряслось. Что-то плохое.

— Мадам?

— Что произошло?

— Ничего страшного. Вы потеряли сознание и упали. Вам надо отдохнуть. Если что-то понадобится, мы все тут, за дверью.

— ТИК-ТАК, ТИК-ТАК, ТИК-ТАК.

Смущенная, она с трудом приподнялась, чтобы лучше устроиться на старом продавленном матрасе.

— ТИК-ТАК, ТИК-ТАК, ТИК-ТАК.

Звук, разносившийся по комнате, на сей раз производила не железная рукавица. Та лежала на комоде (Гектор поднял ее с пола) и продолжала клацать пальцами, тщетно хватая воздух. Новый звук был другим — равномерным, механическим. Он не зависел от их голосов и дыхания. Гектор нахмурил густые брови, пытаясь вычислить, откуда исходит странное тиканье. Заглянув в глаза

преданному слуге, Сивилла поняла, что тикает она сама. Ее сердце отсчитывало время на манер метронома.

— ТИК-ТАК, ТИК-ТАК, ТИК-ТАК.

Теперь в этом не было никаких сомнений.

Ее вдруг охватило глубокое вдохновение, что, впрочем, не отменяло тиканье таймера.

— Помогите мне дойти до кресла, пожалуйста.

К ней постепенно возвращалось сознание, голос уже обрел привычную властность. Гектор повел колдунью через комнату, неловко поддерживая на случай, если она опять потеряет равновесие. Он был смущен: раньше ему никогда не приходилось этого делать. Сивилла предпочитала обходиться без посторонней помощи. Старый страж чувствовал, что случившееся застало госпожу врасплох. Ведьма казалась такой немошной и потрясенной...

Старинное кресло было широким и мягким. Обычно Сивилла сидела в нем во время утренних собраний, беседуя со стражами. Опустившись в него, она на несколько секунд погрузилась в задумчивость.

— ТИК-ТАК, ТИК-ТАК, ТИК-ТАК.

Наконец колдунья торжественно произнесла:

— Сообщите мне точное время, прошу вас.

Он обернулся к небольшим инкрустированным часикам, стоявшим на полке резного деревянного шкафа в глубине комнаты. Отсветы почти догоревших свечей трепетали на изящных серебряных стрелках.

— Полночь. Ровно полночь, мадам.

— Хорошо.

Она прокашлялась, нахмурила брови и произнесла голосом чистым и невозмутимым:

— Час пробил, Гектор. Я должна поручить тебе невероятно важную миссию. Тебе и самым надежным из твоих людей. Речь идет о будущем человечества.

1. СПЕКТАКЛЬ НАЧИНАЕТСЯ!

— Нет!! Пустите!!!

Она кричала, распростертая на мокрой мостовой, и, зажмурившись, отбивалась от нападавшего. Ее ночная рубашка, некогда белая, была вся в грязи. Она отворачивалась, чтобы избежать прямого удара в лицо.

Начиналась ночь, холодало.

На подступах к Дому инвалидов¹ зажигались газовые фонари. Прохожие, еще более редкие, чем на аллеях соседнего Марсова поля, не обращали внимания на истошные вопли девочки. Все делали вид, будто этой замарашки с растрепавшимися светлыми кудрями и угрожавшего ей калеки в грязном тряпье просто не существует. Да и какая выгода спасать сопливую девчонку, у которой за душой явно ни гроша? Прохожие ускоряли шаг, не испытывая ни малейшего желания вступать в уличную потасовку и драться с оборванцем. Это был настоящий обитатель дна — в каких-то дикарских лохмотьях, со всклокоченной бородой, слезящимися глазами и в драной соломенной шляпе. Вместо левой руки у него из рукава торчал острый крюк, вроде тех, на которых мясники подвешивают туши. Этот карикатурный персонаж уже занес свое орудие над перепуганной девчушкой, когда его прервали.

— Эй, посторонись!

¹ Дом инвалидов, построенный для раненых военных в XVII веке, — одна из самых известных достопримечательностей Парижа, находится недалеко от Эйфелевой башни.

Оба участника уличной драмы подскочили и обернулись. Голос принадлежал молодому человеку, который правил небольшим фургоном. Сдерживаемые им породистые лошади свирепо раздували ноздри и храпели, норовя возобновить прерванный бег. Сам фиакр выглядел крайне мрачно: черный, с опущенными черными шторами.

— С дороги, отбросы! Дайте проехать!

Кучера, по всей видимости, не обманул спектакль, разыгрываемый посреди пустой улицы. Но девочка и калека, словно оглохнув, не двигались с места. Хотя фиакру, чтобы проехать, действительно пришлось бы их раздавить. Наблюдательная Плакса заметила, что возница не спешит хлестнуть коней и помчаться вперед. Поэтому она не испугалась его криков и запричитала еще громче и пронзительнее. Теперь уже никто не сможет ее игнорировать.

Тем временем пьяница, чья борода начала уже отклеиваться, тоже оставался глух к угрозам кучера. Откровенно переигрывая, он продолжал свой монолог:

— Деточка, — рычал Обрубок, — я тебя зарежу на ужин. И поджарю, как курочку, с приправами!

— Нет!!! На помощь!! — визжала девчонка.

— Что? Никто не бежит тебя спасать? Скоро ты превратишься в жаркое!

— Вы так и собираетесь тут торчать? Ублюдки! — в ярости проорал кучер.

В его голосе звучал не только гнев. Но и страх. Станный пассажир не терпел промедления. Однако возница понимал, что не сможет проехать, не задавив двух проходимцев, по-прежнему топтавшихся на проезжей части. Он спрыгнул с облучка, на котором сидел, схватил кнут и поправил шляпу, словно пытаясь придать себе значительности.

Как только ноги кучера коснулись мостовой, Хромой выскользнул из своего укрытия за деревянными ящиками около винного

погребя. Слегка пригнувшись, мальчишка с каштановыми волосами и в неизменной кепке подкрался к заднему колесу, а потом скользнул под повозку, готовый действовать.

Возница уже собирался схватить Плаксу и Обрубка, когда дверца фиакра распахнулась. Мальчишка, прятаясь внизу, усмехнулся: пешки расставлены, время рассчитано идеально. Длинная нога высунулась из фургона, за ней вторая. Повозка накренилась. Пассажир, судя по всему, был важной персоной. Ботинки из дорогой кожи, серый костюм с иголки — всё это не укрылось от глаз юного воришки. Чутье на крупную добычу не подвело и в этот раз.

— Кучер, что происходит?

Голос звучал глухо. Человек или стар, или простужен. И то и другое им на руку — значит, он менее внимателен и не так быстро реагирует. Кажется, дело верное.

Хромой продолжал рассматривать пассажира. То малое, что ему удавалось разглядеть из-под повозки, слегка озадачивало. Дорогой костюм был явно с чужого плеча: брюки слишком коротки. А ботинки, напротив, сильно велики — с заметным расстоянием между пятками и бортиком.

Кучер тем временем схватил Обрубка за шиворот и срывал с него маскарад. Когда он обнаружит, что крюк настоящий, это отвлечет их внимание на несколько драгоценных секунд. Плакса поднималась на ноги, готовясь удрать в любую секунду.

— Это воришки! Дети улиц, карманники. Пытались нас одурачить. Не беспокойтесь, господин, мы тронемся сию же минуту, — ответил возница с подчеркнутой почтительностью.

«Крупная шишка, — предположил Хромой. — И богат. Несмотря на странный наряд».

Но время поджимало, и он взялся за дело не откладывая. Выбрался из-под повозки и подкрался как можно ближе к незнакомцу, готовясь его обчистить. Это был, бесспорно, их лучший клиент за сегодняшний день.

Хромой мечтал, что, когда он вернется, его карманы будут набиты золотыми побрякушками. Он хотел показать всё, на что способен, блеснуть перед Спичкой. Мальчик не решался сказать ей о своих чувствах, просто терял дар речи, когда видел девушку. И надеялся, что его добыча заменит слова.

Тут он заметил ее краем глаза. Спичка неслась по улице в их сторону, будто за ней гналась разъяренная фурия.

2. ОЖИДАНИЕ

— У меня ноги отваливаются! Когда они уже закончат? И почему именно мы всегда должны караулить?

— Может, потому, что только я могу выносить твой ужасный характер? — предположил он.

— А в глаз? — тут же вспыхнула она.

Они сидели на грязной обледенелой мостовой, прижавшись к стенам. Он — на одной стороне улицы, она — на другой, в нескольких десятках метров от того места, где Обрубок и остальные разыгрывали свой спектакль. Сопля примостился прямо под фонарем, тогда как Спичка почти растворилась в тени. У обоих затекли ноги.

Им казалось, они ждут уже слишком долго. Однако необходимо было следить, чтобы никто не помешал *жатве*.

— А я считаю, что шеф прав, — произнес мальчик. — Он хорошо придумал: плачущая малютка и над ней — громила с крюком. Ты на эту роль, разумеется, не подходишь. Слишком большая. Люди не бросятся тебя защищать, подумают, что сама справишься. К тому же извини, но ты совсем не похожа на *«невинную беззащитную девушку»*.

Спичка вскочила и яростно плюнула на мостовую.

— На что это ты намекаешь?! По-твоему, я не женственная?! Да?

— Нет-нет, — ответил мальчик с олимпийским спокойствием. — Просто, распростертая на мостовой и зовущая на помощь, даже в компании с Обрубком, переодетым в гадкого нищего, ты выглядела бы как слон в посудной лавке — совершенно неправдоподобно. Даже нашей белокурой куколке едва удастся разжалобить зевак. Что уж говорить о такой дылде, как ты.

— А ты так омерзительно хлюпаешь носом, что всех сразу начинает тошнить! Поэтому тебя тоже не берут на дело!

Во время их перепалки она не забывала оглядывать улицу, проверяя, не идет ли кто подозрительный. Сопля пожал плечами и оглушительно шмыгнул, совершенно равнодушный к ее нападкам.

— Пытаешься меня разозлить? Со мной это не работает, детка.

Она посмотрела на него так мрачно, что он почти пожалел о своих словах. Девушка была старше и гораздо сильнее его. К тому же Сопля, в свои тринадцать, не любил драться. Его оружием были сарказм и ирония. Он выглядел как ребенок из хорошей семьи: очки, правильная речь. Впечатление нарушалось только гнусной привычкой непрерывно шмыгать носом. Сопля часто играл роль воспитанного мальчика — и в целях мошенничества, и просто так, от скуки.

— Что ты хочешь от меня услышать? Это грустная правда. Хромой — хромает, и сердца прохожих тают. Они видят, что могло бы произойти и с ними, будь они менее везучи. К тому же у него невероятно ловкие руки. Он может обчистить кого угодно — гораздо лучше, чем любой из нас. Плакса, со своими слезами и кудряшками, давит на жалость. Обрубок хорошо играет злодея. Ну, по крайней мере, он уверен, что хорошо, а это уже неплохо. Заика прибегает к помощи мускулов, что тоже иногда бывает полезно. Твой конек — это скорость. Ты бегаешь быстрее всех нас. А я... Ну, это я. Я не особенно ловок, не человек действия, а участвовать в спектаклях мне скучно. Скажем так, воровство — это не мое.

— Да ну?! А что же тогда — *твое*? — раздраженно поинтересовалась она.

— Хороший вопрос, дорогая Спичка. Предположим, я могу гордиться своей наблюдательностью и некоторой культурой. Ну, и некоторой ленью тоже, да. Я ужасно ценю возможность ничего не делать. И подхожу к этой задаче со всей ответственностью. Так что распределение ролей в нашем спектакле, в конце концов, не так уж и плохо. Каждый на своем месте.

— Чушь. Стоять на карауле — унижительно! И тебя унижают вовсе не потому, что ты весь из себя такой культурный!

Девушка прижалась к стене и, надувшись, начала играть со спичками. Она не могла ничего возразить Сопле, и это ее злило. Но хуже всего было думать, что ты годишься только на то, чтобы сторожить, пока другие работают!

Мальчик открыл большую сумку, где хранились трофеи банды. При малейшем движении этот мешок звенел, словно набитый металлоломом. В нем бряцали часы и цепочки, браслеты и золотые запонки. Сопля достал потрепанную брошюрку, сдвинул очки на кончик носа и только собрался погрузиться в чтение, как Спичка опять отвлекла его.

— Что читаешь?

Мальчик глубоко вздохнул, словно выпуская из себя излишний сарказм. Невозможно спокойно посидеть с книгой, когда рядом такая болтушка. Он показал ей обложку. Спичка прищурилась и сердито дернула головой.

— Мне отсюда не видно.

Как большинство беспризорников, Спичка не утруждала себя чтением и по-настоящему страдала, если кто-то пытался ее к этому принудить.

— *«Путеводитель по Всемирной выставке¹»*, — объявил Сопля. — Тут подробно рассказывается обо всех павильонах, странах, событиях. Ужасно интересно. А еще полно рекламы всяких ресторанов, где подают мороженое и шампанское. Просто слюнки текут!

— А с ними и сопля, — хмыкнула Спичка.

— Написано, что по Выставке ходит маленький поезд, — продолжал он, не обращая внимания на ее насмешки. — Это называется

¹ Грандиозная выставка последних достижений техники. Проходила в Париже раз в десятилетие, начиная с середины XIX века и до 1937 года. Самым заметным экспонатом выставки 1889 года (время действия романа) стала Эйфелева башня.

«Железная дорога Декавиля¹». Рельсы проложены по набережным и аллеям. Скорость поезда небольшая — десять километров в час. Он ездит с девяти утра и до полуночи. Общая протяженность маршрута — три километра. Начинается от Министерства иностранных дел, заканчивается у Галереи машин. Всего пять остановок.

У Сопли не было проблем с чтением. И он, случалось, любил этим прихвастнуть. Слишком часто, по мнению некоторых.

— Я и без книжки всё это знаю, — фыркнула Спичка. — Достаточно пройтись по набережным, чтобы увидеть этот твой «маленький поезд».

Он смерил ее презрительным взглядом и, ничего не отвечая, уткнулся в книжку. Пару секунд Спичка сидела тихо.

— И потом, меня достало ходить голодной! Разве это дело — есть один раз в день! А сама жратва?! Варёво из колбасных шкурок, кочерыжек и тухлых яиц! Тьфу!

— Ты забыла хлебные корки.

— Ты меня понял.

— И не только тебя.

— Чего?

— До меня дошло, почему я здесь. Я наказан! Вчера не хотел убирать со стола, а сегодня — угодил на самые тяжелые работы. Да еще с такой напарницей! Я считаю наказание несправедливым и совершенно несоразмерным преступлению!

— Эй! Чем тебе не нравится напа...

Спичка осеклась на полуслове. Сопля проследил за ее напряженным взглядом и мгновенно всё понял.

Он немного похудел, носил теперь простые усы и идеальный пробор. Дети никак не ожидали встретить его здесь, тем более в такой одежде, но, разглядев получше, уже не сомневались — это действительно он. Человек приближался, высоко подняв голову. На нем была форма инспектора, а по бокам шли двое полицейских.

¹ Поль Декавиль (1846–1922) — французский инженер, разработавший систему легких железных дорог.

В эти дни жандармы усиленно патрулировали прилегающие к Выставке улицы в поисках возможных нарушителей спокойствия.

Спичка вскочила. В критических ситуациях она умела сохранять хладнокровие и действовать быстро.

— Ты их отвлечешь, а я предупрежу наших, — бросила она Сопле.

— Да-да...

Мальчик тоже встал и прижался к стене. Спичка резко сорвалась с места и понеслась прочь со скоростью, на какую были способны немногие мальчишки ее возраста. Тем более что улица шла вниз. Сопля сделал глубокий вдох и прочистил горло. У него ломался голос, и мальчик умел, приложив ладони рупором ко рту и контролируя движение диафрагмы, говорить как взрослый. Это уже не раз позволяло им выкручиваться из сложных переделок.

— Держите вора! — прогудел он. — Одноглазый, с кавалерийской саблей! Вон туда побежал — на улицу Гренель! Украл все мои деньги! Скорей, поймайте его!!

Он крикнул еще пару раз, но потом голос пресекся, и мальчик замолчал. Он нырнул в подворотню, чтобы кто-нибудь из прохожих не раскрыл обман. Когда Сопля отдышался, Спичка была уже далеко.

3. СПЕКТАКЛЬ ПРОДОЛЖАЕТСЯ!

— Лишай здесь!

Спичка начала кричать уже издалека. Она была в панике. Обрубок, препиравшийся с кучером, остолбенел, услышав эту новость. Придя в себя, он бросил взгляд на Плаксу и Хромого, который как раз запустил руку в карман важного господина.

— Смываемся! — проорал Обрубок.

Швырнув на тротуар шляпу и фальшивую бороду, он сунул вознице в нос свой железный крюк. Культя оказалась настоящей. От неожиданности кучер выпустил воротник, за который всё еще держал парня.

— Быстро! Сматываем удочки! Или он нас поймает! Кто-нибудь хочет обратно к Лишаю? Тогда пошевеливайтесь!

Главарь был серьезно напуган. Спичка подбежала к ним, задыхаясь. На секунду девушка остановилась, оперлась руками о колени и сделала глубокий вдох. Потом рванула дальше как ни в чем не бывало. Обрубок, схватив Плаксу, бросился следом. А Хромой...

— Но что!..

Аристократ, которого он обчищал, обернулся. Приказ Обрубка застал юного воришку в самый разгар промысла, и он не успел отдернуть руку. Мальчик как раз пытался отцепить цепочку часов, прикрепленную к карману, когда клиент поймал его. Хватка была сильной и болезненной, пальцы — ледяными. Хромой дернулся изо всех сил, не выпуская, однако, своей добычи. Мужчина стоял неподвижно, мальчик бился и извивался.

Он с вызовом пялился на пассажира, в тщетной надежде, что тот смутится и ослабит хватку. И вдруг беспризорник застыл. Глаза у его противника были какие-то... ненормальные! Хуже того: вообще нечеловеческие. В глазницах, похожих на горные расщелины, жутко мерцали два безжизненных черных шара. У этого человекоподобного существа не было даже бровей. Грубая толстая кожа слегка светилась.

Хромой остолбенел.

И тут на сцене появился Заика. Всё это время он терпеливо ждал, спрятавшись за грудой ящиков, чтобы прийти на выручку, если клиент окажется чересчур «проблемным». Заика обладал характером настоящего головореза и был человеком действия, о чем свидетельствовали стертые до дыр подошвы его деревянных башмаков.

Он в два прыжка очутился возле Хромого, а потом неожиданно нырнул на мостовую и, вцепившись в лодыжки странного господина, завопил:

— Гильотина!!!

Это был боевой клич Заики и единственное слово, которое он выговаривал без запинки. От удивления пассажир фургона на секунду разжал пальцы. Этого оказалось достаточно, чтобы мальчишка в надвинутой на глаза кепке успел высвободить руку, причем вместе с карманными часами клиента.

— Воры! Воры! Сюда! — закричал кучер, завидев отряд полицейских.

Он показывал на мчавшихся прочь Заику и Хромого. Чуть поодаль галопировал Обрубок, волоча здоровой рукой Плаксу. Спичка неслась впереди всех, следя лишь за тем, чтобы не споткнуться о неровности булыжной мостовой. За спиной у них раздавался дружный топот жандармов, которые уже почти наступали им на пятки.

Заика передвигался довольно быстрым аллюром, но Хромой из-за больной ноги всё сильнее отставал от товарища. Он знал, что не сможет держать такой темп. Знал, что не справится. Спичка

вернулась и побежала с ним рядом. Между двумя судорожными глотками воздуха он сказал ей:

— Убегай! Ты же самая быстрая! Не жди меня!

Произнося это, мальчик всё время придерживал кепку, чтобы она не свалилась.

— Я их отвлеку, — крикнула Спичка, — на следующем перекрестке спрячься где-нибудь, а потом беги в обратную сторону. Встретимся дома.

Она говорила на бегу. Как ей это удавалось? Мальчик любовался. И задыхался. Не в силах вымолвить ни слова, он просто кивнул.

С грехом пополам, напрягая последние силы, он захромал в сторону одного из переулков, ведущих к набережной.

На перекрестке они разделились. Девушка побежала направо, громко выкрикивая:

— Эй! Я здесь! Ни за что не поймаете, банда болванов!

Хромой свернул в другую сторону и скрылся за первой попавшейся дверью. Это оказался небольшой бар. В округе было полным-полно всяких забегаловок. Мальчик без сил опустился за ближайший столик, стараясь сделать как можно менее заметным. Ему казалось, он сейчас взорвется. Пот струился по спине, ноги дрожали. Хромой сжал их ладонями, проклиная свое убожество, не позволявшее ему следовать за Спичкой и остальными. Он — никто. Напротив на стене висела цветная афиша, посвященная столетию 1789 года¹, который, как сообщала реклама, разрешил все мировые проблемы. *«Триумф Республики»*. И всё прочее.

Мальчик осторожно осмотрелся, чтобы оценить обстановку. Он собирался сидеть в кафе по крайней мере пока не восстановит дыхание. И тут его взгляд зацепился за что-то блестящее. Какой-то

¹ В 1789 году произошла Великая французская революция, в результате которой была свергнута монархия и установлена республика. Всемирная выставка 1889 года была посвящена столетию этих событий.

предмет на полу. Хромой, нагнувшись, увидел драгоценную брошь в форме кометы. Некоторое время он смотрел на нее, потом тихонько сунул в карман.

Тем временем стражи порядка во весь дух промчались мимо бара. Не останавливаясь. Мальчик задержал дыхание. Потом медленно выдохнул. Его рука нащупала в кармане не только брошь, но и часы, украденные пару минут назад у страшного пассажира фиакра. От одного лишь воспоминания об этом монстре Хромой сжался.